А. П. Чехов

НУ, ПУБЛИКА!

РАССКАЗЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А.П.Чехов

НУ, ПУБЛИКА!

РАССКАЗЫ



МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

Р1
Ч-56

Рисунки А. Медовикова

Ч $\frac{4803010101-397}{М101(03)86}$ 159—86

К ЧИТАТЕЛЯМ

Брат Антона Павловича Чехова, Михаил Павлович, вспоминая о Чехове-мальчике, писал: «Среди братьев он был тогда самым талантливым на выдумки: он устраивал лекции и сцены, кому-нибудь подражал или кого-нибудь представлял». Из насмешливых выдумок и передразниваний мальчика выросли юмористические сценки молодого писателя Антоши Чехонте или, как ещё он любил подписываться, «Человека без селезёнки». Сценки эти — пересмеивание, передразнивание, комическое представление разных людей. Но ведь для того чтобы хорошо передразнить, нужно уметь увидеть и хорошо понять того, кого изображаешь. И в своих смешных рассказах Чехов учился понимать людей.

Человек умеет взглянуть на себя со стороны и потому умеет шутить. Человек умеет уличить себя в притворстве и посмеяться над собой, над своим притворством, а значит, от него избавиться. Недаром из всех живых существ только человеку свойствен смех.

Сто лет назад, когда впервые стали появляться рассказы Антоши Чехонте, казалось, они мало чем отличаются от множества тогдашних юморесок, которые печатались в модных журнальчиках: «Стрекоза», «Будильник», «Осколки» и других. Чехову, вероятно, и самому так казалось. За один зимний вечер он мог написать, как сам признавался, «и пять таких рассказов», не считая это серьёзным занятием. И только потом стало ясно, что уже эти «рассказики» так же оригинальны и необыкновенны, как вообще оригинально дарование Чехова, раскрывшееся в его серьёзных рассказах. В самом деле, «серьёзный» Чехов помог по-другому увидеть молодого, «смешного» Чехова.

Пять рассказов, которые вы прочтёте в этой книге, каждый в своём роде,— рассказы-передразнивания. В них Антоша Чехонте показывает нам смешное в преувеличенном виде — словно карикатуру рисует. Когда ядовито, когда добродушно, иногда даже не без грусти. Чехов — мастер «умного смеха».

И всегда в его смешном рассказе представлен «смешной человек». Главное свойство такого человека, когда он становится героем литературного произведения, «комическим персонажем»,— то, что к себе самому этот персонаж относится чрезвычайно серьёзно. И не шутя претендует на такое же отношение других. Это не может не вызвать смех. Смех — всегда посрамление претенциозности, «несокрушимого доверия к самому себе».

Изображая такого персонажа, Антоша Чехонте передаёт читателю своё понимание важного и незначительного в жизни. Это уже очень немало! Если мы смеёмся, мы неизбежно признаём, что автор разоблачает, посрамляет смехом то, что и вправду только «претензия». Не просто рассмешить, а в чём-то переубедить — вот какую силу имеет смешное.

«Умею коротко говорить о длинных вещах»,— писал Чехов. Давайте же попробуем разобраться, о каких «длинных» — то есть весьма серьёзных — вещах говорят смешные короткие рассказы молодого Чехова — Антоши Чехонте.





НУ, ПУБЛИКА!

— Шабаш, не буду больше пить!.. Ни... ни за что! Пора уж за ум взяться. Надо работать, трудиться... Любишь жалованье получать, так работай честно, усердно, по совести, пренебрегая покоем и сном. Баловство брось... Привык, брат, задаром жалованье получать, а это вот и нехорошо... и нехорошо...

Прочитав себе несколько подобных нравоучений, обер-кондуктор Подтягин начинает чувствовать непреодолимое стремление к труду. Уже второй час ночи, но, несмотря на это, он будит кондукторов и вместе с ними идёт по вагонам контролировать билеты.

— Вашш... билеты! — выкрикивает он, весело пощёлкивая щипчиками.

Сонные фигуры, окутанные вагонным полумраком, вздрагивают, встряхивают головами и подают свои билеты.

— Вашш... билеты! — обращается Подтягин к пассажиру II класса, тощему, жилистому человеку, окутанному в шубу и одеяло и окружённому подушками. — Вашш... билеты!

Жилистый человек не отвечает. Он погружён в сон. Обер-кондуктор трогает его за плечо и нетерпеливо повторяет:

— Вашш... билеты!

Пассажир вздрагивает, открывает глаза и с ужасом глядит на Подтягина.

— Что? Кто? а?

— Вам говорят по-челаэчески: вашш... билеты! Па-атрудитесь!

— Боже мой! — стонет жилистый человек, делая плачущее лицо. — Господи, боже мой! Я страдаю ревматизмом... три ночи не спал, нарочно морфию принял, чтоб уснуть, а вы... с билетом! Ведь это безжалостно, бесчеловечно! Если бы вы знали, как трудно мне уснуть, то не стали бы беспокоить меня такой чепухой... Безжалостно,

нелепо! И на что вам мой билет понадобился? Глупо даже!

Подтягин думает, обидеться ему или нет,— и решает обидеться.

— Вы здесь не кричите! Здесь не кабак! — говорит он.

— Да в кабаке люди человечней...— кашляет пассажир.— Изволь я теперь уснуть во второй раз! И удивительное дело: всю заграницу объездил, и никто у меня там билета не спрашивал, а тут, словно чёрт их под локоть толкает, то и дело, то и дело!..

— Ну, и поезжайте за границу, ежели вам там нравится!

— Глупо, сударь! Да! Мало того, что морят пассажиров угаром, духотой и сквозняком, так хотят ещё, чёрт её подери, формалистикой добить. Билет ему понадобился! Скажите, какое усердие! Добро бы это для контроля делалось, а то ведь половина поезда без билетов едет!

— Послушайте, господин! — вспыхивает Подтягин.— Вы извольте подтвердить ваши доводы! И ежели вы не перестанете кричать и беспокоить публику, то я принуждён буду высадить вас на станции и составить акт об этом факте!

— Это возмутительно! — негодует публика.— Пристаёт к больному человеку! Послушайте, да имейте же сожаление!

— Да ведь они сами ругаются! — трусит Подтягин.— Хорошо, я не возьму билета... Как угодно... Только ведь, сами знаете, служба моя этого требует... Ежели б не служба, то, конечно... Можете даже начальника станции спросить... Кого угодно спросите...

Подтягин пожимает плечами и отходит от больного. Сначала он чувствует себя обиженным и несколько третированным, потом же, пройдя вагона два-три, он начинает ощущать в своей обер-кондукторской груди некоторое беспокойство, похожее на угрызение совести.

«Действительно, не нужно было будить больного,— думает он.— Впрочем, я не виноват... Они там думают, что это я с жиру, от нечего делать, а того не знают, что этого служба требует... Ежели они не верят, так я могу к ним начальника станции привести».

Станция. Поезд стоит пять минут. Перед третьим звонком в описанный вагон II класса входит Подтягин. За ним шествует начальник станции, в красной фуражке.



— Вот этот господин,— начинает Подтягин,— говорят, что я не имею полного права спрашивать с них билет, и... и обижаются. Прошу вас, господин начальник станции, объяснить им — по службе я требую билет или зря? Господин,— обращается Подтягин к жилистому человеку.— Господин! Можете вот начальника станции спросить, ежели мне не верите.

Больной вздрагивает, словно ужаленный, открывает глаза и, сделав плачущее лицо, откидывается на спинку дивана.

— Боже мой! Принял другой порошок и только что задремал, как он опять... опять! Умоляю вас, имейте вы сожаление!

— Вы можете поговорить вот с господином начальником станции... Имею я полное право билет спрашивать или нет?

— Это невыносимо! Нате вам ваш билет! Нате! Я куплю еще пять билетов, только дайте мне умереть спокойно! Неужели вы сами никогда не были больны? Бесчувственный народ!

— Это просто издевательство! — негодует какой-то господин в военной форме.— Иначе я не могу понять этого приставанья!

— Оставьте...— морщится начальник станции, дёргая Подтягина за рукав.

Подтягин пожимает плечами и медленно уходит за начальником станции.

«Изволь тут угодить! — недоумевает он.— Я для него же позвал начальника станции, чтоб он понимал, успокоился, а он... ругается».

Другая станция. Поезд стоит десять минут. Перед вторым звонком, когда Подтягин стоит около буфета и пьёт сельтерскую воду, к нему подходят два господина, один в форме инженера, другой в военном пальто.

— Послушайте, г. обер-кондуктор! — обращается инженер к Подтягину.— Ваше поведение по отношению к больному пассажиру возмутило всех очевидцев. Я инженер Пузицкий, это вот... господин полковник. Если вы не извинитесь перед пассажиром, то мы подадим жалобу начальнику движения, нашему общему знакомому.

— Господа, да ведь я... да ведь вы...— оторопел Подтягин.

— Объяснений нам не надо. Но предупреждаем, если

не извинитесь, то мы берём пассажира под свою защиту.

— Хорошо, я... я, пожалуй, извинюсь... Извольте...

Через полчаса Подтягин, придумав извинительную фразу, которая бы удовлетворила пассажира и не умалила его достоинства, входит в вагон.

— Господин! — обращается он к больному.— Послушайте, господин!

Больной вздрагивает и вскакивает.

— Что?

— Я тово... как его?.. Вы не обижайтесь...

— Ох... воды...— задыхается больной, хватаясь за сердце.— Третий порошок морфия принял, задремал и... опять! Боже, когда же, наконец, кончится эта пытка!

— Я тово... Вы извините...

— Слушайте... Высадите меня на следующей станции... Более терпеть я не в состоянии. Я... я умираю...

— Это подло, гадко! — возмущается публика.— Убирайтесь вон отсюда! Вы поплатитесь за подобное издевательство! Вон!

Подтягин машет рукой, вздыхает и выходит из вагона. Идёт он в служебный вагон, садится изнеможённый за стол и жалуется:

«Ну, публика! Извольте вот ей угодить! Извольте вот служить, трудиться! Поневоле плюнешь на всё и запьёшь... Ничего не делаешь — сердятся, начнёшь делать — тоже сердятся... Выпить!»

Подтягин выпивает сразу полбутылки и больше уже не думает о труде, долге и честности.



ЕСЛИ бы нам с вами кто-нибудь рассказал историю о том, как больному и измученному человеку всю ночь в поезде не давали спать, мы вряд ли стали бы смеяться. Мы, скорее, пожалели бы этого человека. У Чехова сказано так, что не жалеем, а смеёмся. И смеёмся хорошим, совсем не злорадным смехом. В чём секрет этого смеха?

Первое, что мы слышим в этом рассказе,— заплетающийся голос человека, читающего себе нравоучение. И сразу понимаем, что «непреодолимое стремление к труду» обер-кондуктора Подтягина на самом деле блажь пьяницы и бездельника. Но сам-то Подтягин очень доволен

собой и своей ролью, выкрикивает: «Вашш... билеты!» — и весело пощёлкивает щипчиками. Как же ему теперь не уважать себя, ведь тут уже не «баловство», обер-кондуктор трудится, «пренебрегая покоем и сном»! Нам, зрителям, конечно, видно, что герой пыжится и кривляется, совсем не замечая, как он комичен. А любое кривляние не может не вызывать смех.

Комизм рассказа — в неожиданном разоблачении притворства. У Подтягина только видимость настоящего дела: несвоевременное и напрасное усердие. Чтобы это было очевиднее, автор сталкивает его с плаксивым больным. Столкнуть две противоположные фигуры — издавна известный приём комизма. Толстый и тонкий, жизнерадостный и унылый, длинный и коротышка — примеры комической пары. Чехов создаёт другую пару, почти из репертуара клоунады. Её, конечно, надо назвать: «услужливый дурак и плаксивый дурак».

Ведь это только кажется, что в нашем рассказе выведена жертва несвоевременного рвения. В самом деле, не проще ли больному сразу показать билет, на том бы его неприятности и кончились? Но он тоже ведёт себя нелепо, комично. Только у него роль страдальца, которого все, ну все мучают! Лицо у него всё время «плачущее», с таким вот выражением: все нарочно сговорились меня уморить! В сущности, вполне понятное требование—предъявить билет. Как же отвечает «плаксивый дурак»? Он отвечает целым потоком причитаний: «...это безжалостно, бесчеловечно!.. И на что вам мой билет понадобился?» Все жалобы, всё возмущение его намеренно преувеличены, окарикатурены, как и положено при клоунаде, при передразнивании. Не сразу и поймёшь, что без этого, доведённого до нелепости возмущения рассказ не был бы смешным.

Мы смеёмся, потому что все без исключения появляющиеся в нём лица преисполнены благих порывов, и при этом вовсе не понимают, что нужно другому. Кондуктор никак не сообразит, что время проверять билеты, и тем более доказывать правомерность такой проверки,— совсем неподходящее. И ещё недоумевает, чем больной недоволен: «Я для него же позвал начальника станции, чтоб он понимал, успокоился, а он... ругается!» Благородные господа, инженер с офицером, совершенно неуместно начинают негодовать и требовать от ошалевшего кондуктора формального извинения. А сам

пострадавший не может взять в толк, что надо не возмущаться «формалистикой» и не умолять о «сожалении», а просто отдать билет и забыть о кондукторе. Он же это делает трагически и театрально: «Нате вам ваш билет! Нате! Я куплю ещё пять билетов, только дайте мне умереть спокойно!»

Подтягин хотел объясниться, оправдаться, почувствовал что-то похожее на угрызение совести — кажется, сейчас всё поправится... А пассажир хватается за сердце: «Боже, когда же, наконец, кончится эта пытка!» Нет, ничего тут невозможно понять бедному Подтягину!

Мы с вами смеёмся, когда изнеможённый кондуктор в недоумении разводит руками: «Ну, публика!.. Ничего не делаешь — сердятся, начнёшь делать — тоже сердятся...» Чехов незаметно указал нам, чем отличается настоящий труд от блажи и бессмыслицы. Мы понимаем и видим то, чего не видят и не понимают его герои, и это, конечно, приятное чувство. Мы с автором вроде заодно что-то вместе понимаем. Не в этом ли, кстати, одно из объяснений удовольствия смеха? Смеясь над показанными Чеховым нелепостями, мы начинаем немножко лучше разбираться в обманах, подлогах, претензиях жизни. Такой смех учит нас отличать мнимое от действительного.

Обер-кондуктор — старший кондуктор.

Морфий — снотворное средство; название лекарства произведено от имени древнегреческого бога сна.

Акт об этом факте.— Эта фраза — образец убогой казённой речи кондуктора.

Третировать — обращаться с кем-нибудь пренебрежительно. Здесь Чехов незаметно включает слова персонажа в повествование рассказчика. Это неожиданное включение «чужого» слова в авторскую речь и создаёт то, что называется «комическим эффектом».

Полное право.— Можно сказать «я имею полное право», но «я не имею полного права» сказать нельзя. Подтягин же понимает это как одно неразложимое сочетание — «иметь полное право».

Инженер Пузицкий.— Инженер во времена Чехова такое же важное лицо, как, например, полковник. Наградив его фамилией Пузицкий, а полковника представив без фамилии, Чехов намеренно делает это сочетание комичным.



ЗАБЫЛ!!

Когда-то ловкий поручик, танцор и волокита, а ныне толстенький, коротенький и уже дважды разбитый параличом помещик, Иван Прохорыч Гауптвахтов, утомлённый и замученный жениными покупками, зашёл в большой музыкальный магазин купить нот.

— Здравствуйте-с!..— сказал он, входя в магазин.— Позвольте мне-с...

Маленький немец, стоявший за стойкой, вытянул ему навстречу свою шею и состроил на лице улыбающийся вопросительный знак.

— Что прикажете-с?

— Позвольте мне-с... Жарко! Климат такой, что ничего не поделаешь! Позвольте мне-с... Мммм... мне-е... Мм... Позвольте... Забыл!!

— Припомните-с!

Гауптвахтов положил верхнюю губу на нижнюю, сморщил в три погибели свой маленький лоб, поднял вверх глаза и задумался.

— Забыл!! Экая, прости господи, память демонская! Да вот... вот... Позвольте-с... Мм... Забыл!!

— Припомните-с...

— Говорил ей: запиши! Так нет... Почему она не записала? Не могу же я всё помнить... Да, может быть, вы сами знаете? Пьеса заграничная, громко так играется... А?

— У нас так много, знаете ли, что...

— Ну да... Понятно! Мм... Мм... Дайте припомнить... Ну, как же быть? А без пьесы и ехать нельзя — загрызёт Надя, дочь то есть; играет её без нот, знаете ли, неловко... не то выходит! Были у ней ноты, да я, признаться, нечаянно керосином их облил и, чтоб крику не было, за комод бросил... Не люблю бабьего крику! Велела купить... Ну да... Ффф... Какой кот важный! — И Гауптвахтов погладил большого серого кота, валявшегося на стойке... Кот замурлыкал и аппетитно потянулся.

— Славный... Сибирский, знать, подлец! Породистый, шельма... Это кот или кошка?

— Кот.

— Ну чего глядишь? Рожа! Дурак! Тигра! Мышей ловишь? Мяу, мяу? Экая память анафемская!.. Жирный, шельмец! Котёночка у вас от него нельзя достать?

— Нет... Гм...

— А то бы я взял... Жена страсть как любит ихнего брата — котов!.. Как же быть теперь? Всю дорогу помнил, а теперь забыл... Потерял память, шабаш! Стар стал, прошло моё время... Помирать пора... Громко так играется, с фокусами, торжественно... Позвольте-с... Кгм... Спою, может быть...

— Спойте... oder...[1] oder... или посвистайте!..

— Свистеть в комнате грех... Вон у нас Седельников свистел, свистел да и просвистелся... Вы немец или француз?

— Немец.

— То-то я по облику замечаю... Хорошо, что не француз... Не люблю французов... Хрю, хрю, хрю... свинство! Во время войны мышей ели... Свистел в своей лавке от утра до вечера и просвистел всю свою бакалию в трубу! Весь в долгах теперь... И мне двести рублей должен... Я иногда певал себе под нос... Гм... Позвольте-с... Я спою... Стойте. Сейчас... Кгм... Кашель... В горле свербит...

Гауптвахтов, щёлкнув три раза пальцами, закрыл глаза и запел фистулой:

— То-то-ти-то-том... Хо-хо-хо... У меня тенор... Дома я больше всё дишкантом... Позвольте-с... Три-ра-ра... Кгррм... В зубах что-то застряло... Тьфу! Семечко... О-то-о-о-уу... Кгррм... Простудился, должно быть... Пива холодного выпил в биргалке... Тру-ру-ру... Всё этак вверх... а потом, знаете ли, вниз, вниз... Заходит этак бочком, а потом берётся верхняя нота, такая рассыпчатая... то-то-ти... руyy. Понимаете? А тут в это время басы берут: гу-гу-гу-туту... Понимаете?

— Не понимаю...

Кот посмотрел с удивлением на Гауптвахтова, засмеялся, должно быть, и лениво соскочил со стойки.

— Не понимаете? Жаль... Впрочем, я не так пою... Забыл совсем, экая досада!

---

[1] или *(нем.)*.

— Вы сыграйте на рояли... Вы играете?

— Нет, не играю... Играл когда-то на скрипке, на одной струне, да и то так... сдуру... Меня не учили... Брат мой Назар играет... Того учили... Француз Рокат, может быть, знаете, Венедикт Францыч учил... Такой потешный французишка... Мы его Буонапартом дразнили... Сердился... «Я, говорит, не Буонапарт... Я республик Франце»... И рожа у него, по правде сказать, была республиканская... Совсем собачья рожа... Меня покойный мой родитель ничему не учил... Деда, говаривал, твоего Иваном звали, и ты Иван, а потому ты должен быть подобен деду своему во всех своих поступках: на военную, прохвост! Пороху!! Нежностей, брат... брат... Я, брат... Я, брат, нежностей тебе не дозволяю! Дед, в некотором роде, кониной питался, и ты оной питайся! Седло под головы себе клади вместо подушки!.. Будет мне теперь дома! Заедят! Без нот и приезжать не велено... Прощайте-с, в таком случае! Извините за беспокойство!.. Сколько эта рояля стоит?

— Восемьсот рублей!

— Фу-фу-фу... Батюшки! Это называется: купи себе роялю и без штанов ходи! Хо-хо-хо! Восемьсот руб... лей!!! Губа не дура! Прощайте-с! Шпрехензи! Гебензи...[1] Обедал я, знаете ли, однажды у одного немца... После обеда спрашиваю я у одного господина, тоже немчуры, как сказать по-немецки: «Покорнейше вас благодарю за хлеб, за соль»? А он мне и говорит... и говорит... Позвольте-с... И говорит: «Их либе дих фон ганцен герцен!» А это что значит?

— Я... я люблю тебя,— перевёл немец, стоявший за стойкой,— от всей сердцы!

— Ну вот! Я подошёл к хозяйской дочке, да так прямо и сказал... С ней конфуз... Чуть до истерики дело не дошло... Комиссия! Прощайте-с! За дурной головой и ногам больно... Так и мне... С дурацкой памятью беда: раз двадцать сходишь! Будьте здоровы-с!

Гауптвахтов отворил осторожно дверь, вышел на улицу и, прошедши пять шагов, надел шляпу.

Он ругнул свою память и задумался...

Задумался он о том, как приедет он домой, как выскочат к нему навстречу жена, дочь, детишки... Жена осмотрит покупки, ругнёт его, назовёт каким-нибудь животным, ослом или быком... Детишки набросятся на сладости и

[1] Говорите! Дайте... (*нем.* sprechen Sie, geben Sie).



начнут с остервенением портить свои уже попорченные желудки... Выйдет навстречу Надя в голубом платье с розовым галстухом и спросит: «Купил ноты?» Услышавши «нет», она ругнёт своего старого отца, запрётся в свою комнатку, разревётся и не выйдет обедать... Потом выйдет из своей комнаты и, заплаканная, убитая горем, сядет за рояль... Сыграет сначала что-нибудь жалостное, пропоёт что-нибудь, глотая слёзы... Под вечер Надя станет веселей, и, наконец, глубоко и в последний раз вздохнувши, она сыграет это любимое: то-то-ти-то-то...

Гауптвахтов треснул себя по лбу и, как сумасшедший, побежал обратно к магазину.

— То-то-ти-то-то, огого! — заголосил он, вбежав в магазин.— Вспомнил!! Вот самое! То-то-ти-то-то!

— Ах... Ну, теперь понятно. Это рапсодия Листа, номер второй... Hongroise...[1]

— Да, да, да... Лист, Лист! Побей меня бог, Лист! Номер второй! Да, да, да... Голубчик! Оно самоё и есть! Родненький!

— Да, Листа трудно спеть... Вам какую же, original[2] или facilité?[3]

— Какую-нибудь! Лишь бы номер второй, Лист! Бедовый этот Лист! То-то-ти-то... Ха-ха-ха! Насилу вспомнил! Точно так!

Немец достал с полки тетрадку, завернул её с массой каталогов и объявлений и подал свёрток просиявшему Гауптвахтову. Гауптвахтов заплатил восемьдесят пять копеек и вышел, посвистывая.

---

[1] Венгерская... *(франц.)*
[2] оригинальную *(франц.)*
[3] облегчённую? *(франц.)*

УДИВИТЕЛЬНОЕ умение Чехова — соединять грустное и смешное. И при этом смешное остаётся смешным, а грустное — грустным.

Перечитайте начало рассказа, какое оно невесёлое. Иван Прохорыч Гауптвахтов, представший перед нами, несмотря на свою грозную фамилию и добродушную болтовню,— очень жалкое зрелище. И интонация, с которой Чехов передаёт мысли бывшего поручика,— скучная, тоскливая. Бранчливая жена, избалованные, истеричные дети... Ничего отрадного нет в жизни Гауптвахтова. И всё-таки рассказ смешной. И герой его смешон и жалок одновременно.

Гауптвахта — временный арест провинившихся солдат в армии. Фамилия «Гауптвахтов» придумана Чеховым для усиления комизма.

Улыбающийся вопросительный знак.— Чехов говорит о таком выражении лица, которое при необходимости напускают и убирают, как знак препинания.

Сморщил в три погибели.— Здесь совмещаются два разных выражения: «сморщить лоб» и «согнуться в три погибели» (то есть сильно согнуть, изогнуть своё тело). Это объединение двух устойчивых и несовместимых по смыслу сочетаний в одно и создаёт комический эффект.

Попробуйте воспроизвести все описанные здесь операции Гауптвахтова — и вы сразу почувствуете, как уморительна его физиономия.

Мяу, мяу? Экая память анафемская!.. — Мысль Гауптвахтова всё время скачет, потому что он говорит обо всём, что попадается на глаза и язык, и непрестанно думает о забытой пьесе: ведь загрызёт дома дочь!

Анафемская — то есть «проклятая».

Обратите внимание, как приказчик вежливо напоминает, что ему недосуг болтать, но напоминает всего одним звуком: «Гм...»

Фистулой — тонким голосом.

Дишкант — дискант, высокий голос.

То-то-ти-то-том...— Здесь: смешное бессилие вспомнить вертящееся на языке название, имя, мотив и такое же бессилие описать этот мотив, потому что на словах мелодию описывать бесполезно. Всего-то и может Гауптвахтов сказать: «Пьеса заграничная, громко так играется...» И точно так же жалко и смешно изображение му-

зыки в нелепых звуках: ти-то-том... хо-хо-хо... три-ра-ра... гу-гу-гу-туту,— которые, по мнению героя, должны передавать музыку. Это «описание» мелодии забытой пьесы и есть самое смешное место в рассказе, и даже кот это понимает: недаром он удивился странным звукам, «засмеялся» и удалился.

Республик Франце — республика Франция. Рокат причисляет себя к республиканцам, то есть противникам монархии и императора Наполеона Бонапарта. Понятно, что в монархической России республиканец должен быть для обывателя — «собачья рожа».

Брат... брат... Я, брат...— Чехов устами Гауптвахтова передаёт захлёбывающуюся солдафонской яростью речь его родителя. За этим «я, брат... брат...» сразу видно брызжущее слюной, с выпученными глазами лицо отставного вояки.

Оной — ею. Эта устаревшая словесная форма отдаёт здесь казёнщиной, протоколом, напоминает об отживших нравах.

Шпрехензи! Гебензи...— Гауптвахтов говорит ему самому непонятные слова («Говорите! Дайте...») — видимо, всё, что он знает по-немецки. Для демонстрации своих познаний в немецком языке или так, к слову, он и рассказывает дурацкий случай. В этом месте речь его становится окончательно сумбурной.

Комиссия.— Здесь означает «неприятность», «морока».



РЫЦАРИ
БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

На станции «Разбейся» в апартаментах г. начальника станции заседало большое общество. Тут были начальники станций, начальники дистанций, магазинов, депо и проч., отставные и неотставные, старые и молодые. Между форменными путейскими сюртуками виднелись цвета женских modes et robes[1], попадались и детские мордочки... Компания пила чай, играла в карты, музицировала и услаждала себя беседою. Говорили о случаях, случайно случившихся на той или другой линии. Рассказано было много, не написать всего. Один г. Укусилов говорил два часа... Извольте-ка написать! Буду по обычаю краток.

— Три вагона разбило! — кончил свою двухчасовую речь г. Укусилов.— Двое убитых, пять раненых, а что паче сего, то от лукавого: неофициально, то есть... Хе-хехмы... Из одной артели было шесть раненых... Призываю их... «Ежели!.. Да кто-нибудь! Да кому-нибудь!.. Говори, что ушибся!» Двум солдатикам по трёшке дадено было для успокоения: молчи и не распространяйся! Предостережений много принято было, а между тем не обошлось без худа. С места меня пугнули и судом пригрозили. Ты-де, мол, спал и телеграммы не дал. Начальнику станции, выходит, и спать нельзя... Народ бессовестный... Из-за пустяков семейного человека места лишили. В одном из вагонов начальнику движения из его усадьбы свежих раков везли, да при суматохе растеряли. Начальник мечтал в тот вечер раки а ла бордалез кушать. Воспитания нежного... И не будь этих самых раков подлых, не прилетело бы ко мне на станцию следствие и не потерял бы я места...

— Вы и теперь без места? — спросила поповна из соседнего села. (Она приехала на станцию попросить «по знакомству» для мамаши бесплатного проезда к тёте.)

[1] модных нарядов *(франц.)*.

— Какое! Через неделю я служил уж на другой дороге, хоть и под судом числился.

— А вот-с... тоже случай,— начал г. Гарцунов, наливая себе водки.— Вы, конечно, знаете Ивана Михайлыча, что обер-кондуктором ездил. Бестия, я вам скажу! Честнейший человек, благороднейший, но мерзавец в своем роде, архаровец... То есть, не мерзавец, а так себе... гений в своём роде, коршун... Приходит он однажды на «Живодёрово» с поездом... С товарным он ездил. В пассажирские его не производили, потому что женщин он не мог видеть равнодушно: припадок с ним делался. Приходит он с поездом... А на ту пору на платформе человек тридцать косарей стояло. Время рабочее, знаете ли, летнее...

«Куда идёте, косарики? — спрашивает.— Давайте, говорит, я вас в товарном поезде до следующей станции довезу. По гривеннику, говорит, возьму с человека, только...»

— Тем это на руку, разумеется, того только и нужно. Получил с них Иван Михайлыч по гривеннику и засадил всех в служебный вагон. Поехали наши косари... От восторга песню запели. Па-атеха! На ту пору я в вагоне ехал, поспеть на крестины хотел, к Илье, вот, Петровичу... Олечку ихнюю крестили...

«Зачем вы, говорю, Иван Михайлыч, их насажали? Ведь на станции контролёр!» — «Нуте?» — «Сейчас помереть...»

— Иван Михайлыч задумался... Известно; не хотелось оконфузиться. Оно-то ничего, знаете, все даром возят, и всем это великолепно известно, но неловко как-то, знаете... Да и контролёры разные бывают... Иной чёрт такой попадётся, что жизни не рад будешь... Бывает! По злобе больше доносят или отличиться перед начальством хочет...

«Поезд не остановишь,— говорит Иван Михайлыч,— а ссадить их, чертей, надо... Как быть?»

— А тут ещё поезд нам встретился, с тремя фонарями на служебном вагоне. У них, у кондукторов, знак такой: ежели на служебном вагоне три фонаря, положим, два флага или что-нибудь другое условное, то на станции, значит, контролёр. Мои слова подтвердились. Иван Михайлыч думал и надумал. Па-атеха! Отворяет в вагоне дверь, берёт господ косарей за шиворот и на всём ходу — марш! Прыгай! Запрыгали косари... Хе-хе-хе... Как снопы повалились.

«Прыгай! — кричит. — Прыгай наперёд, и ничего тебе не будет! Прыгай, такой-сякой! Чёрт, дьявол!»

— Мы глядим и со смеху помираем... Все соскочили. Один только ногу себе сломал, а остальные все благополучно. Так и пропали ихние гривенники... Хе-хе-хе... Через неделю как-то узнали об этом скандале, выцарапали откуда-то косаря со сломанной ногой... Донёс кто-то, шут возьми... Злоба людская... Косарю дали пять рублей, а Ивана Михайлыча с места долой... Хе-хе...

— И он без места теперь?

— В оперу, слышал, поступает. Баритон у него славный. Едет, бывало, в поезде, напьётся и давай петь. Звери заслушивались, птицы плакали! Талантливый человек, и говорить нечего...



«РЫЦАРЬ без страха и упрёка» — так называют человека безупречно честного, благородного, беззаветно преданного идеалу чести. К кому же относится это название в рассказе? Вы прочитали его и понимаете, что в данном случае оно употреблено только иронически. Ведь в нём повествуют о крушении — со смешком, как о пустяках, о подлом поступке — как о «па-атехе»; мерзавца именуют благороднейшим и честнейшим человеком; а если безобразия всё-таки пресекаются — то это, разумеется, только «по злобе людской»! Особенно дерзкий хапуга, «коршун» — здесь талант, просто гений.

Эти простодушные негодяи считают свои проделки потехой, шуткой: косари прыгают, ломают ноги, а «мы глядим и со смеху помираем». Если и бывают у них потом неприятности, то не потому, что сделано дурно, а из-за «раков подлых». Чехов заставляет смеяться над наивнохвастливыми проходимцами, их мирком, где и слыхом не слыхивали о честности и порядочности. То есть нет, слышать слышали, но называют этими словами вещи противоположные. Начиная с заглавия и до последней фразы всё тут поставлено с ног на голову, и слова как будто кривляются, пытаясь спрятать высовывающиеся из-за них разбойничьи рожи. А разбойники ещё обижаются, если мало им дают разбойничать. Экий «народ бессовестный».

Когда маленькие дети нарочно говорят нелепицы, им смешно, потому что они тем только показывают, что знают, как должно говорить. Нарочно назвать вещь не тем, что она есть, а чем-то противоположным — уже значит её высмеять. Смеёмся и мы, когда вещь и её название-претензия сталкиваются. И радуемся разоблачению «рыцарей без страха и упрёка».



РАЗМАЗНЯ

На днях я пригласил к себе в кабинет гувернантку моих детей, Юлию Васильевну. Нужно было посчитаться.

— Садитесь, Юлия Васильевна! — сказал я ей.— Давайте посчитаемся. Вам наверное нужны деньги, а вы такая церемонная, что сами не спросите... Ну-с... Договорились мы с вами по тридцати рублей в месяц...

— По сорока...

— Нет, по тридцати... У меня записано... Я всегда платил гувернанткам по тридцати. Ну-с, прожили вы два месяца...

— Два месяца и пять дней...

— Ровно два месяца... У меня так записано. Следует вам, значит, шестьдесят рублей... Вычесть девять воскресений... вы ведь не занимались с Колей по воскресеньям, а гуляли только... да три праздника...

Юлия Васильевна вспыхнула и затеребила оборочку, но... ни слова!..

— Три праздника... Долой, следовательно, двенадцать рублей... Четыре дня Коля был болен и не было занятий... Вы занимались с одной только Варей... Три дня у вас болели зубы, и моя жена позволила вам не заниматься после обеда... Двенадцать и семь — девятнадцать. Вычесть... останется... гм... сорок один рубль... Верно?

Левый глаз Юлии Васильевны покраснел и наполнился влагой. Подбородок её задрожал. Она нервно закашляла, засморкалась, но — ни слова!..

— Под Новый год вы разбили чайную чашку с блюдечком. Долой два рубля... Чашка стоит дороже, она фамильная, но... бог с вами! Где наше не пропадало? Потом-с, по вашему недосмотру Коля полез на дерево и порвал себе сюртучок... Долой десять... Горничная тоже по вашему недосмотру украла у Вари ботинки. Вы должны



за всем смотреть. Вы жалованье получаете. Итак, значит, долой ещё пять... Десятого января вы взяли у меня десять рублей...

— Я не брала,— шепнула Юлия Васильевна.

— Но у меня записано!

— Ну, пусть... хорошо.

— Из сорока одного вычесть двадцать семь — останется четырнадцать.

Оба глаза наполнились слезами... На длинном хорошеньком носике выступил пот. Бедная девочка!

— Я раз только брала,— сказала она дрожащим голосом.— Я у вашей супруги взяла три рубля... Больше не брала...

— Да? Ишь ведь, а у меня и не записано! Долой из четырнадцати три, останется одиннадцать... Вот вам ваши деньги, милейшая! Три... три, три... один и один... Получите-с!

И я подал ей одиннадцать рублей... Она взяла и дрожащими пальчиками сунула их в карман.

— Merci,— прошептала она.

Я вскочил и заходил по комнате. Меня охватила злость.

— За что же merci? — спросил я.

— За деньги...

— Но ведь я же вас обобрал, чёрт возьми, ограбил! Ведь я украл у вас! За что же merci?

— В других местах мне и вовсе не давали...

— Не давали? И не мудрено! Я пошутил над вами, жестокий урок дал вам... Я отдам вам все ваши восемьдесят! Вон они в конверте для вас приготовлены! Но разве можно быть такой кислятиной? Отчего вы не протестуете? Чего молчите? Разве можно на этом свете не быть зубастой? Разве можно быть такой размазнёй?

Она кисло улыбнулась, и я прочёл на её лице: «Можно!»

Я попросил у неё прощение за жестокий урок и отдал ей, к великому её удивлению, все восемьдесят. Она робко замерсикала и вышла... Я поглядел ей вслед и подумал: легко на этом свете быть сильным!



СОГЛАСИТЕСЬ, что шутка, чтобы быть смешной, должна быть неожиданной. Неожиданность — необходимое условие смешного. И этому требованию рассказ «Размазня» вполне удовлетворяет. Только вот шутка эта — не смешная. Чехов написал юмористический рассказ о несмешной шутке.

С начала рассказа постепенно нарастает наше негодование. Мы очень быстро начинаем понимать, что у нас на глазах происходит наглое жульничество, издевательское ограбление безответной, беззащитной девушки. И когда мы доходим до фразы: «Меня охватила злость» — мы уже вполне разделяем эту злость.

И с этой фразы всё переворачивается в рассказе. Выясняется, что его герой не беззастенчивый негодяй, а возмущённый, желчный, благородный человек, который не обирает гувернантку, а проводит странный и «жестокий урок». Негодование разрешается облегчением; отвратительный тон — «Вы должны за всем смотреть. Вы жалованье получаете»,— оказалось, был не всерьёз; Юлия Васильевна выходит не только не обманутой, но осчастливленной. Кажется, все условия смешного соблюдены. Тут и неожиданность, и разоблачение притворства, и комическая противоположность, и окарикатуренное преувеличение беспардонности нанимателя и покорности гувернантки. Читатель прекрасно понимает, что он читает юмористический рассказ, но не смеётся. Почему?

Часто смех так или иначе связан с тем, что само по себе не так уж весело, даже страшно; но он-то, может, и защищает человека от грустного и страшного в жизни. Тут важно соотношение смешного и печального. Соотношение во взгляде самого автора: какую из сторон он сам видит в первую очередь.

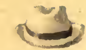
А здесь для Чехова баланс склоняется в сторону грустного. Ведь Юлия Васильевна не просто «размазня». Она, вероятно, по опыту знает, что протестовать, спорить, добиваться чего-то от «сильных» бесполезно; они сильнее, то есть «зубастее». И ей остаётся быть размазнёй и только шептать свой протест. И рассказ, собственно, не о позорном безволии бедной девушки. Он о тех «сильных», которые могут вырвать и своё, и чужое.

Чехов выдвигает смех как защиту против «сильных», хочет осмеять их. Но скорее уж смешна тут бедная Юлия Васильевна, не правда ли? Автор сам далеко не уверен,

что в представленной им сцене больше смешного, чем страшного. Вы заметили, что он и не хочет особенно смешить. Урок здесь преподаётся не гувернантке-размазне, а нам, читателям. И урок не скрытый, наставление не спрятано, как в других рассказах. Это урок наглядный.

По-настоящему отнестись «не всерьёз» к своему «зубастому» герою, которого со злостью передразнил, Антоша Чехонте всё-таки не может. А над Юлией Васильевной так ли уж хочется смеяться! В этом рассказе Чехов подходит к той грани комического, за которой в литературе начинается другая область — гротеск, где преувеличение становится искривлением реальности, а смешное страшным.

ЯЗЫК
ДО КИЕВА ДОВЕДЕТ



Куда, милай, скрылся?
Где тибя сыскать?

Нар. песня

1-*й.*— Снять шапку! Здесь не приказано!

2-й.— У меня не шапка, а цилиндр!

1-й.— Это всё равно-с!

2-й.— Нет, не всё равно-с... Шапку и за полтинник купишь, а поди-ка цилиндр купи!

1-й.— Шапку или шляпу... вообще...

2-й (снимая шляпу).— Так вы выражайтесь ясней... *(Дразнит.)* Шапку, шапку...

1-й.— Прошу не разговаривать! Вы мешаете прочим слушать!

2-й.— Это вы разговариваете и мешаете, а не я. Я молчу, брат... И вовсе молчал бы, ежели бы б меня б не трогали б.

1-й.— Тссс...

2-й.— Нечего тсыкать... *(Помолчав.)* Я и сам умею тсыкать... А глаза нечего на меня пялить... Не боюсь... Не таких видывал...

Жена 2-го.— Да перестань! Будет тебе!

2-й.— Чего ж он ко мне пристал? Ведь я его не трогал? Ведь нет? Так чего же он ко мне лезет? Или, может быть, вы хотите, чтоб я на вас господину приставу пожалился?

1-й.— После, после... Замолчите...

2-й.— Ага, испужался! То-то... Молодец, как это говорится, против овец, а против молодца сам овца.

В публике.— Тссс...

2-й.— Даже публика заметила... Для порядку поставлен, а сам беспорядки делает... *(Саркастически улыбается.)* Ещё тоже медали на грудях... сабля... Народ, посмотришь!

(1-й уходит на минутку.)

2-й.— Стыдно стало, ушёл... Стало быть, совесть ещё не совсем потеряна, если слов стыдится... Поговори он ещё,

так я бы ему ещё и не то сказал. Знаю, как с ихним братом обращаться!

Жена 2-го.— Молчи, публика глядит!

2-й.— Пущай глядит... Свои деньги заплатил, а не чужие... А ежели разговариваю, так не выводи из терпения... Ушёл тот... энтот самый, ну и молчу теперь... Ежели меня никто не трогает, так зачем я стану разговаривать? Разговаривать незачем... Я понимаю... *(Аплодирует.)* Бис! Бис!

1, 3, 4, 5 и 6-й (словно вырастая из земли).— Пожалуйте! Идите-с!

2-й.— Куда это? *(Бледнея.)* За какое самое?

1, 3, 4, 5 и *6-й.*— Пожалуйте-с! *(Берут под руки 2-го.)* Не болтайте ногами... Пожалуйте-с! *(Влекут.)*

2-й.— Свои деньги заплативши и вдруг... это самое... *(Увлекается.)*

В публике.— Жулика вывели!



ВСЕ рассказы Антоши Чехонте держатся на живой речи, на разговоре. Здесь же и вовсе нет ничего, кроме двух бранящихся голосов. Один — гаркает и «тсыкает», другой — «брешет», отбрёхивается и наскакивает. Это — протокол перебранки.

Не шапка, а цилиндр.— Свара завязалась по ерундовому поводу: «шапка или шляпа». Сюжет сценки построен на том, как, раз зацепившись за 1-го, язык скандалиста доводит его до 3, 4, 5 и 6-го, от ничтожной причины — до последствий весьма решительных.

Я молчу...— 2-й особенно упирает на то, что он-то молчит, хотя именно он непрерывно в прямом смысле «бубнит» (обратите внимание на «б» и «бы» в следующей фразе). Это человек, который всё время, не давая никому рта раскрыть, объясняет, что он молчит.

Против молодца сам овца.— Вся сценка — маленький «речевой портрет»: персонаж как бы сам рисует свой портрет — манерой говорить, оборотами речи, словами и словечками. Это знакомый портрет того самого «молодца», за которым всегда последнее слово, который всегда прав и которого лучше «не трогать» и не «выводить из терпения» (что быстро делается). Если всё-таки его раз-

говоры пресекли и самого вывели, то этим Чехов нам демонстрирует только невероятную длину «языка».

1, 3, 4, 5 и 6-й.— Антоша Чехонте с удовольствием разделывается с владельцем длинного языка. Но заодно оставляет нам на память гротескную картину: обозначенные цифрами люди-номера, рявканье их, любезное «пожалуйте-с» или откровенное «здесь не приказано», и наконец:

— Жулика вывели! — тупое удовлетворение публики, которая ничего не поняла, но довольна: всё как положено, если вывели — значит, жулик. Этой финальной фразой Чехов доводит общую бессмыслицу до окончательной, как бы подводит черту: ну, публика!

СОДЕРЖАНИЕ





К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
Москва, 125047, ул. Горького, 43.
Дом детской книги

Чехов А. П.

Ч-56 Ну, публика!: Рассказы/Предисл. и примеч. Б. Бермана; Рис. А. Медовикова.— М.: Дет. лит., 1986.—31 с., ил.

5 к.

В сборник вошли пять юмористических рассказов А. П. Чехова: «Ну, публика!», «Забыл!!», «Рыцари без страха и упрёка», «Размазня», «Язык до Киева доведёт».

Ч $\frac{4803010101-397}{М101(03)86}$ 159—86

Р1

5 коп.



Для младшего возраста

Антон Павлович Чехов

НУ, ПУБЛИКА!

Рассказы

ИБ № 9254

Ответственный редактор *В. А. Сокол.* Художественный редактор *В. А. Тогобицкий.* Технический редактор *Л. В. Гришина.* Корректор *Г. Ю. Жильцова.* Сдано в набор 28.01.86. Подписано к печати 09.06.86. Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бум. офс. № 2. Шрифт школьный. Печать офсети. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отт. 5,85. Уч.-изд. л. 1,49. Тираж 4 000 000 экз. Заказ № 835. Цена 5 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.



